

Сказ «Рудный Царь»
(цикл «Бажовские мотивы»)

— Совсем уж выгорает, подкинь маленько.

Пламя радостно ухнуло. Костер запел звонче, и потянуло теплым сосновым духом.

— Деда, а когда домой пойдём? Матрёна пирогов напечет!

— Обьеда ты, Митька, одно слово — объеда! Хоть вовсе за стол не сажай, всё одно, как бочка бездонная, а сейчас не до того — делом заняты. Понимаешь, дурья твоя голова?

Митька обидчиво шмыгнул носом. Хоть дед Касьян и ворчал пустое да и совсем беззлобно, все-таки правда в его словах была. Но разве Митька виноват, что в неполные двенадцать так вытянулся? Большеухий, лохматый, длинный как жердь, Митька среди дружков был как журавль меж болотных кочек. А толку что? Длина длиной, но бока поджарые, ребра наперечет, брюхо голодное. А матрёнины пироги были лучшими в округе. С клюквой, с жирным карасем, с кислым щавелем. Митька облизнулся.

— Не егози. Придет Рудный Царь, выплет тебе, чего положено.

— Деда, а что за царь?

— А то сам не знаешь?

Такая была забава. Старик Касьян баек и побасенок знал превеликое множество, но как другие старики ребятню не тешил, по вечерам не рассказывал. Всякая история была припасена у него к случаю.

— Вот ты, Митька, как понимаешь, какое самое главное богатство в земле?

— Известно, деда, золото да камни самоцветные. Набьют в горе — вот и богатство. Господам любо, а добытчикам — копейка.

С самого малства мальчишка около старших вился, куда они, туда и он. Все лопаткой на вольном воздухе машут, и он рядом, землю палочкой ковыряет. Все песок моют, золото сеют, и Митька тоже от речки Кривошапки не отходит. Да не вышло толку. Самый главный старатель Пахом Евсеич забраковал.

«Глаз не зорек, руки не цепкие, ноги жидкие».

Прибился сирота Митя Ерохин к старику Касьяну. Тот был из бывших рудознатцев, весь Урал своими ногами истоптал, землю на три сажени вниз видел и в горном деле на хорошей отметке был. Невесту себе выбрал из зажиточных, не из простого сословия. Да только недолго счастье лихое и залетное. В грибную пору повстречался Касьян с мишкой косолапым. Поломал косматый Касьяна. А какая работа, когда тело всё покорежено, один глаз еле видит, а второго и вовсе нет? Тут уж не до свадьбы, было бы пропитание. Если бы не охота да рыболовство, пропал бы. Так и повелось. Старый да малый, Касьян и Митька держались друг за дружку.

— Деда, а он в шапке?

Задремавший у теплого костра Касьян встрепенулся:

— Чего?

— Ну царь! В шапке позолоченной или в короне? Верно страсть какой богатющий!
— Нет там никакой короны.
— Тю! Разве это царь?
— Балда ты, Митька! Сила ему большая дана! Над краем уральским, над богатствами земными. Вот идет человек, под ноги глядит, а сам и не знает, что копни поглубже, и вот оно богатство, на великие миллионы лежит. А всё потому, что Рудный Царь еще воли не дал брать без меры и выгодничать... Бережливый он. А бывает и так, приметит он доброго человека и непременно знак какой подаст.
— Какой знак, деда?
— А? Заболтал ты меня, Митька! Пора морды проверять, заберем рыбу и домой.

Поднялись с лапника, пошли в разные стороны. Малый супротив течения, где ловушки стояли, старый в другую сторону, там у него иные снасти поставлены. Один Митька не боялся. Места знакомые, сам на Кривошапке вырос, плавал так, что другим завидно.

Шорохнуло. Раз, другой... Приметил мальчишка, что в ивняке у берега маячит что-то.

— Помоги, добрый человек!

Метнулся Митя вниз, под кручу, кое-как незнакомца из веток выпутал. Вылезли вдвоем на берег, мокрые, в глине да песке насквозь измазанные.

— Спасибо, парень. Спас. Думал, утопну и поминай как звали.

И смеется, да так, что вроде земля аж затряслась. Оробел Митька. Погладил человек землю ладошкой, всё и прекратилось.

— Не бойся, парень. Человек я простой, иду по богомольным местам, хотел рубаху в реке прополоскать, да оскользнулся. Наверх — никак, сил нет.

Засомневался Митя. Богомольный? Незнакомый был не то чтоб богатырь какой, но всё-таки справный. Плечи могутные, руки крепки. Алая рубаха в натяжку, штаны вроде как с теплым поддевом, сапоги крепкие, а на груди и креста нет. Одно слово — чудно.

— Да ты дурного не думай. Я человек неопасный, зовут Андреем Ивановичем, тебе дядькой Андреем можно звать.

Лет Андрею Ивановичу было неясно. Может сорок, а может и больше. Волосы гладкие, белые-белые, но не седые, видать от природы белизна. Бородка небольшая тоже светлая — залюбуешься, а вот глаза совсем диковинные. Вроде чёрные, а блестят багровым, повернется боком — и того страшнее. Лицо трещинками идет, как розовая глинистая порода.

Думал Митька заорать. Касьян хоть и сильно хром после встречи с медведем, но услышит — прибежит.

— Молчи, парень. Молчи да слушай. Старый Касьян стал, скоро уже. — Андрей Иванович посмотрел внимательно. — Я его часто примечал. Дело свое он знал. Не жадничал, носа не драл, со мной с уважением был, хотя я ему лица не показывал. Заметочки оставлял. То березу кривобокую приметную подсуну, то во сне туману напушу, то зайца-беляка по лету пущу... Сметлив Касьян, да меру знать надо. Новое время наступает — новым людям дело. Понял?

Митька помотал головой. Отчаянно хотелось в теплую избу, к Матрѐне, касьяновой сестре, под бок. Страшен был Рудный Царь, это не с дедом у костра гутарить.

— Узнал, значит? — хмыкнул Андрей Иваныч. Поодаль крутая волна ударила в берег и выплеснула на песок толстого налима. — Про железный блеск слышал?

Митька вспомнил невзрачные бурые камешки, которые дед Касьян ему показывал. Но в Ольховский рудник дорога малому была заказана. Не годился он для мужицкой работы. А камушки видать были ценные, много их увозили из уральской земли, да дорога встала дороже.

— Будет дед звать уехать — упорствуй. Здешнего края держись. Скоро опять люди в гору полезут. Много железного блеска вынесут.

— А кому? — осмелился вымолвить Митька.

— Эх, ты! Кому! Город большой, завод там вырастет. — Андрей Иванович махнул рукой куда-то в сторону. — А заводу что надо? Руду плавить, тут-то земелька и послужит. Богатое сокровище доверю тебе, Митя. Вот гляди...

Вытащил странный человек из кармана камешек, веревкой тонкой обвязанный. Круглый, темно-красный, с узкими серыми полосами и золотыми чешуйками на боках.

— Носи, не снимай. Ну-ка...

Накинул Рудный Царь широкую петельку на шею Митьке. Камешек повис как раз над тем местом, где заполошным зайцем билось сердце.

— За силу не бойся — будет тебе сила. Только смотри, — Андрей Иванович полыхнул багровым взглядом. — Не гневи меня. Захочу — силу отберу, в землю загоню. Работы не стыдись, людей не обижай, к новому тянись. Чтобы об люде рабочем уральском слава по всей земле русской звенела!

— А шарик к чему?

— Много ходов к железному блеску. Один рудник — мало. Ходи по земле, примечай, учись. Как потяжелеет камень, потянет плечи к земле, значит, тут место новую яму рыть.

Закружилась голова у мальчишки от такого невероятия. А Андрей Иваныч знай посмеивается.

— Сдюжишь, малой. Уходит старое время. А ты для нового времени послужишь, для лучшего. И не ты один. Сейчас Ольховский рудник по-другому зазвучит, на месте этом новый посёлок будет строиться.

— Вот бы, дяденька, посмотреть на это будущее счастье хоть глазочком! Верно, и дома будут каменные, как в городе, и школа будет?

— Всё будет, Митьша. Всё, только не робей. Не робе-е-ей! — неожиданно выкрикнул Рудный Царь, и громкое эхо заметалось меж величавых сосен и могучих кедров.

Митя завертел головой, пытаясь поймать крик. Повернулся обратно, а нечаянного знакомого и след простыл. Похлопал Митя глазами, почесал макушку и назад отправился. Только сперва подобрал налима. Завернул скользкого в рубаху и понёс. И ведь верно, силы вроде прибавилось, раньше бы согнулся под такой ношей. На расспросы деда Касьяна Митя больше молчал, да дет вскорости отстал, тоже камешек на шее заметил.

А Митя с тех пор сильно возмужал. Весёлый, крепкий, работающий стал, грамоте в городе выучился, а потом в поселок на рудник вернулся. Только его к тому времени уже Ауэрбахом звали.

Но это совсем другая история.